
А. Чехов
Жалобная
Книга

А. Чехов

Жалобная книга

Художник М. А. Григорьев

Ижевск
Издательство „Удмуртия"
1976

Р1
Ч56

Чехов А. П.

Ч56 Жалобная книга. Художник М. А. Григорьев. Ижевск, «Удмуртия», 1976.

32 с. с ил.

Ч $\frac{70301\text{-}137}{М134\ (03)\ 76}$ 66-76 Р1

Лежит она, эта книга, в специально построенной для неё конторке на станции железной дороги Ключ от контор-

ки „хранится у станционного жандарма“, на деле же никакого ключа не нужно, так как конторка всегда отперта. Раскрывайте книгу и читайте:

„Милостивый Государь!
Проба пера!?"

Под этим нарисована рожица с длинным носом и рожками.

Под рожицей написано:

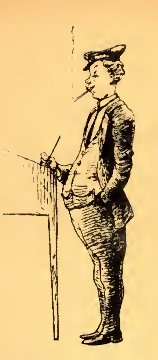
„Ты картина, я
портрет, ты ско-
тина, а я нет.
Я - морда твоя"

„Подъезжая к сей
станцыи и глядя
на природу в окно,
у меня слетела шляпа
И Ярмонкин"

„Кто писал не знаю, а я дурак читаю."

„Оставил память на-
-чальник стола претен-
-зий Коловроевъ"

„Приношу начальству мою жалобу на кондуктора Кучкина за его грубости в отношении моей жены. Жена моя вовсе не шумела, а напротив

старалась чтоб все было тихо. А также и насчет жандарма Клятвина который меня грубо за плечо взял. Жительство имею в имении Андрея Ивановича Ищеева. Который знает мое поведение.

Конторщик
Самолучшев »

„Никандров социалист!"

„Находясь под свежим впечатлением возмутительного поступка

... (зачеркнуто) ~~[illegible]~~

Проезжая через эту
станцию я был возму-
щен до глубины души
следующим...(зачеркнуто)

~~[illegible]~~
~~[illegible]~~
~~[illegible]~~

На моих глазах прои-
зошло следующее возму-
тительное происшест-
вие, рисующее яркими
красками наши желе-
знодорожные порядки...

(далее все зачёркнуто, кроме подписи.)

Ученик 7-го класса
Курской гимназии

Алексей Зудвелз"

„В ожидании отхода
поезда обозревал
физиономию на-

-чальника станции
и остался сим весь-
ма недоволен. Объяв-
ляю о сем по
линии.
Неунывающий
дачник."

„Я знаю кто это пи-
"-сал. Это писал М. Д."

„Господа!
Шевцовский шуллер!"

„Жандармша езди-
ла вчера с бу-
фетчиком Кость-

-кой за реку. Же-
лаем всего лучше-
-го. Не унывай,
жандарм!"

„Проезжая через станцию
и будучи голоден в рас-
-суждении чего бы покушать я не мог найти

постной пищи
Дьякон Духов"

„Лопай, што дают..."

„Кто найдет кожаный портсигар, тот пущай отдаст в кассу Андрею Егорычу."

"Так как меня про-
гоняют со службы,

будто я пьян-
ствую, что объяв-
ляю, что все вы
мошенники и
воры

Телеграфист
Козьмодемьянский

„Добродетелью украшайтесь"

„Катинька, я вас люблю безумно!"

„Прошу в жалобной книге

не писать по-
-сторонних вещей.
За начальника
станции
Иванов 7-й"

„Хоть ты и
седьмой,
а дурак."

«Жалобная книга» была впервые напечатана в в юмористическом журнале «Осколки» за 1884 год. Никто, кроме специалистов, не знает теперь названия этого издания. И уж, конечно, никто для удовольствия не станет перечитывать его комплект. А вот «Жалобную книгу» Чехова переиздают, ее читают, над ней смеются и задумываются.

Прежде всего, это окно в давний мир. То, что, казалось, навсегда исчезло, снова и снова оживает, звучит и движется. Перед нами маленькая железнодорожная станция — одна из тех, где царят сонная одурь и скука, «тоска дорожная, железная», по выражению А. Блока. Поезда останавливаются редко, и это всегда событие, которого ждут, на что-то надеясь. А умчался поезд — и еще ощутимее оцепенение. Все знают друг друга, и вообще все заранее известно. Жить нечем, если, конечно, не считать карт, вина, сплетен и возможности покуражиться над проезжающими.

О медленном, вязком существовании в таких богом забытых углах рассказывал М. Горький. Достаточно вспомнить его автобиографическую трилогию или рассказ «Скуки ради». Чехов пишет гораздо более сжато. В жалобной книге приводятся короткие реплики-записи. Читателю даны опорные пункты: кто-то кого-то обзывает шулером, кто-то кого-то честит социалистом, кто-то, ликуя, подглядывает в замочную скважину,

уволенный за пьянство телеграфист объявляет всех мошенниками и ворами. А читательское воображение дополняет текст: детали, подробности, реплики превращаются в картины и ситуации. Чеховский текст допускает возможность множества истолкований, в том числе — и средствами изобразительного искусства. Одно из них представлено в рисунках М. Григорьева.

Ощущение плотности чеховского мира создается в значительной степени благодаря удивительно точным речевым характеристикам. Вернее, это самохарактеристики: героям дана возможность высказаться, и за их словами и строем фраз ощутимы характер, жизненный опыт, культурный уровень. Как колоритен начитавшийся либерально-обличительных статей курский гимназист, который никак не может выбраться из словесных штампов!

Мы узнаем об обстоятельствах, о людях, зримо представляем и слышим их. Но есть в «Жалобной книге» что-то сверх того — нечто необыкновенно привлекательное и радующее. Что же это такое?

Искусство всегда приобщает нас к добру. Приобщает, конечно, по-разному. В русских былинах или мифах Древней Греции были созданы образы прекрасных людей, и они навсегда стали воплощением нормы, добра и красоты.

Но ведь есть искусство совсем иного рода, созданное Свифтом и Щедриным, Рабле и Гоголем, Твеном и Чеховым. В их книгах перед нами предстают дурные люди, пагубные страсти, уродливые фантазии. И все же сатирики и юмористы своим, особым путем приобщают нас к прекрасному и доброму. Они изображают зло так, что мы испытываем к нему отвращение и

понимаем: это — дурное, это — нарушение нормы. Мы смеемся над злым и уродливым и, значит, возвышаемся над ним.

Через мир безобразия и уродства ведет нас автор — добрый, умный, зоркий и насмешливый человек. Читая, мы проникаемся его негодованием и поднимаемся на его нравственную высоту. Он — полновластный хозяин произведения, и все, с чем мы встречаемся в «Жалобной книге», ведет нас к нему. Это он собрал героев, дал каждому слово и сделал их смешными. Над чем же он смеется?

Прежде всего — над уродливой речью. «Подъезжая к сией станции... у меня слетела шляпа» — это классический пример языкового невежества. Смешные и уродливые выражения есть в речи почти всех героев. На малом пространстве чеховского текста отклонения от нормы особенно заметны.

Дело, конечно, не в них самих. Они — показатель полуобразованности, которая так ненавистна автору. Полуобразованность самоуверенна. Она любуется собой, ибо себя-то и считает воплощением высочайшей культуры. Воинствующая пошлость патетически возглашает: «Добродетелью украшайтесь». Но она же в «Жалобной книге» и острит, шутит, каламбурит, не подозревая при этом, что сама становится предметом осмеяния.

Подлинное остроумие никогда не унижает человеческого достоинства. Воинствующая пошлость, наоборот, норовит унизить и оскорбить. Жалоба проезжего дьякона на скудость станционного буфета парируется грубым: «Лопай, что дают». Куда как смешно!

«Неунывающий дачник» убежден, что стоит сказать не «лицо», а «физиогномия» и получится очень забавно, а если присовокупить официальный оборот «объявляю о сем по линии», то смешнее и быть не может.

Подлинная острота — всегда открытие, она дает возможность увидеть нечто новое и неожиданное. Острословие пошляка автоматично. Оно освобождает от необходимости думать. Чеховских испытанных остряков вполне удовлетворяет повторение древней пошлости. Тут главное — вставить кстати или некстати: «Ты картина, я портрет...» или «Кто писал не знаю, а я дурак читаю»,— и чеховские герои преисполняются гордости и самодовольства. И попробуй — убеди их в том, что не смешно и не остроумно.

Они непременно хотят быть сочинителями. Не беда, что сказать нечего: тут ведь важен самый факт мнимого приобщения к творчеству. Запишешь: «Оставил память начальник стола претензий Коловроев» — и увековечишь себя. Под стать Коловроеву и И. Ярмонкин с его бессмертной шляпой, и анонимный поклонник безвестной Катеньки.

Так резвятся они на страницах «Жалобной книги», выхваченные из мрака острым лучом авторской иронии. Но осмеивается и самая идея жалобной книги. Она ведь неразрывно связана с представлением о начальстве, которое неусыпно печется о благе обывателей. Это идиллическое представление как будто подкрепляется картиной, исполненной ложной величавости и бюрократической благопристойности: книга находится в специально построенной для нее конторке, и ключ от конторки должен храниться у станционного жандарма. На деле это выглядит не так

возвышенно: и ключа не нужно, ибо «конторка всегда отперта»; и проку от книги нет; и жандарм отнюдь не олицетворение законности. Далеко не случайна запись, сделанная конторщиком Самолучшевым. Он искренне верит в действенность жалобной книги, и оттого-то так обстоятелен его рассказ (впрочем, на рисунке М. Григорьева супруги Самолучшевы далеко не безобидны).

Перед нами — не сатирическое произведение. Красная цена бюрократической идиллии—дурашливая рожица, нарисованная на первой странице жалобной книги доморощенным остряком. Чехов смеется и над ним, и над всеми, кто делал записи в книге, и над самой идеей жалобной книги — смеется легко, изящно, и в самой иронии его есть безграничное превосходство и внутренняя свобода.

Б. О. Корман

Для среднего и старшего школьного возраста

Антон Павлович Чехов

ЖАЛОБНАЯ КНИГА

Редактор Т. А. Поздеева. Художественный редактор А. П. Николаева. Технический редактор С. И. Зянкина. Корректор Т. Е. Желейко.

Сдано в набор 2. 11. 1976. Подписано к печати 9. 11. 1976. Бумага офс. № 2 60×84 1/32. Печ. л. 1 (0,98). Уч.-изд. л. 0,9. Заказ № 01891. Тираж 200000 экз.
Цена 3 коп.

Издательство «Удмуртия», 426057, г. Ижевск, ул. Пастухова, 13.

Республиканская типография Управления по делам издательств, полиграфии и книжной торговли Совета Министров УАССР, 426057, г. Ижевск, ул. Пастухова, 13.

3 коп.

